

УДК 947 (470.22)

ПРОВЕДЕНИЕ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В КАРЕЛИИ: ПРОБЛЕМЫ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА

Н. А. Кораблев

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Столыпинская аграрная реформа – последняя крупная социально-экономическая реформа в истории дореволюционной России. Она была призвана ускорить модернизацию сельского хозяйства страны и стабилизировать социально-политическую обстановку в российской деревне. Изучение реализации этой реформы в Карелии представляет значительный научный интерес, так как здесь она проводилась в особых условиях, заметно отличавшихся от условий центра Европейской России. Определены факторы, сдерживавшие проведение реформы в Карелии – почти полное отсутствие дворянского землевладения, комплексный аграрно-промысловый характер крестьянского хозяйства, потребительская направленность сельского хозяйства, прочность общинных традиций и запутанность общинного землевладения. Характеризуется реализация столыпинского законодательства, основные направления и специфика преобразований. Раскрывается и подчеркивается особая роль землеустройства в проведении реформы в условиях Карелии. Итоги преобразований в крае, несмотря на краткий срок, отпущенный для них историей, могли бы быть более весомыми при всестороннем учете центром регионального фактора.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Столыпинская аграрная реформа, Карелия, крестьянство, землеустройство, землепользование, община, хозяйство, отруб, хутор.

N. A. Korablyov. STOLYPIN LAND REFORM IN KARELIA: PROBLEMS OF LAND MANAGEMENT

Stolypin land reform was the last large-scope socioeconomic reform in the history of pre-revolutionary Russia. It was devised to expedite modernization of the national agriculture and stabilize the sociopolitical situation in the Russian countryside. Research into the implementation of the reform in Karelia is of great scientific interest since the conditions for it in the region differed significantly from those in the centre of European Russia. The factors hindering the reform in Karelia were determined – nearly total lack of manorial estates, the complex farming/fishing/hunting nature of the peasant economy, consumption-oriented agriculture, strong community traditions, and intricate communal land tenure. We characterize the implementation of Stolypin's legislation, the principal directions and features of the reforms. The remarkable role of land management in the progress of the reform in Karelia is disclosed and emphasized. Although history did not let the reform last long, it could have yielded much more tangible results in the land had the centre taken the regional factor into account.

Key words : Stolypin's agrarian reform, Karelia, peasantry, land management, land-use, economy, community, otrub, farm.

Столыпинская аграрная реформа явилась краеугольным звеном экономической политики российского правительства после бурных революционных потрясений 1905–1907 гг. Она была призвана ускорить модернизацию сельского хозяйства страны и стабилизировать социально-политическую обстановку в многомиллионной российской деревне. Главной целью реформы являлось создание широкого слоя хозяйственно активных земельных собственников за счет сокращения общинного землевладения. Прикрепление к общине и общинное землепользование с уравнительными переделами, в известной степени предохранявшие крестьян от разорения, в условиях развивающейся рыночной экономики становились факторами, тормозившими прогресс сельского хозяйства в масштабах России. В частности, порождаемые переделами чересполосица и мелкополосица препятствовали внедрению сельскохозяйственной техники и введению многопольных севооборотов. Представители Олонецкого земства в своей резолюции на губернском собрании в конце 1906 г., например, образно писали по данному поводу: «Нельзя пользоваться усовершенствованными орудиями, например, рядовой сеялкой, на полосах, ширина которых измеряется лаптями, а число доходит до нескольких десятков у общинника». [Вопрос..., 1908, № 5. С. 3–4]

Юридической основой новой аграрной политики стал указ Николая II от 9 ноября 1906 г., который после одобрения его III Государственной Думой 14 июня 1910 г. обрел статус закона. Реформа включала целый комплекс мероприятий, главными из которых являлись: выход крестьян из общины с закреплением за ними наделной земли в собственность; создание на укрепленной земле участковых (хуторских и отрубных) хозяйств; проведение землеустроительных работ без выдела из общины; организация переселения крестьян на окраины империи.

В дополнение к основным законодательным актам по проведению реформы 29 мая 1911 г. было утверждено Закон о землеустройстве, регламентировавший техническую сторону связанных с нею землеустроительных действий. До принятия этого закона данные действия осуществлялись на основе Временных правил о землеустройстве, изданных 4 марта 1906 г.

В пределах карельского края Столыпинская аграрная реформа проводилась на территории четырех уездов, входивших в то время в состав Олонецкой губернии (Петрозаводский, Олонецкий, Повенецкий Пудожский). На Кемский уезд,

находившийся в составе Архангельской губернии, она не распространялась, так как там, как и во всей этой губернии, не было осуществлено поземельное устройство бывших государственных крестьян, предусмотренное реформой 1866 г. (отграничение крестьянских земель от казенных).

Администрация Олонецкой губернии активно поддержала Столыпинскую аграрную реформу. Концепция Указа 9 ноября 1906 г. вполне соответствовала и личным убеждениям тогдашнего губернатора Н. В. Протасьева. Еще в 1904 г. на губернском совещании по пересмотру законоположений о крестьянах он заявлял: «Я горячий сторонник подворного владения и нахожу, что Россия действительно выйдет из косности в отношении земледелия только тогда, когда каждый будет работать на своей полосе земли, а не в составе фиктивной общины, которая, на мой взгляд, является только тормозом для развития хозяйства» [Журналы..., 1904. С. 67]. Да и в целом большинство руководителей губернских ведомств, участвовавших тогда в совещании, высказалось за облегчение выхода из общины [Журналы..., 1904. С. 69].

В поддержку реформы высказались и земские круги Олонецкой губернии. Вскоре после издания Указа от 9 ноября 1906 г. по инициативе председателя Повенецкого уездного земского собрания Е. А. Богдановича вопрос об общинном и подворном землепользовании был вынесен на обсуждение очередного губернского земского собрания. В результате дискуссии губернское собрание одобрило резолюцию, в которой говорилось: «Переход к подворному владению является единственным средством к подъему благосостояния крестьян... Земство непременно должно в той или иной форме прийти на помощь крестьянам, желающим перехода к подворному владению» [Обзор постановлений..., 1907. № 4. С. 30]. На следующей сессии в 1907 г. при обсуждении поступивших из Пудожской и Повенецкой уездных управ материалов местных обследований, свидетельствовавших об осторожном или отрицательном отношении большинства крестьян к выходу из общины, вопрос об отношении к реформе вновь был подвергнут рассмотрению. В своем докладе губернская управа подтвердила ранее выраженную земством позицию. При этом, правда, была добавлена уточняющая формулировка о том, что окончательный выбор формы землевладения принадлежит самим крестьянам. В докладе заявлялось, что управа «так же, как и большинство прошлогоднего состава собрания, склоняется к мысли, что при подворном владении представляется больше возможности

перейти к более совершенным способам ведения хозяйства... Но она считает ошибкой... указывать крестьянскому населению губернии ту или иную определенную форму землепользования и принимать какие-либо меры, которые могли бы склонять, например, к выделу из общины или сохранению ее во что бы то ни стало» [Вопрос..., 1908 № 5. С. 3–4]. Собрание одобрило предложения управы.

Условия для реализации Столыпинской аграрной реформы в карельском крае заметно отличались от условий, существовавших в центре и на юге России. Главным собственником земли здесь являлась казна, которой в рассматриваемых нами четырех уездах к 1905 г. принадлежало 68,1 % всей земельной площади. Крестьянские наделные земли составляли 30,1 % площади. На долю других категорий владельцев приходилось всего 1,8 % земельных угодий, в том числе лишь 0,1 % – на дворян [подсчитано по данным: О землевладении..., 1907. С. 285, 297, 301; Копяткевич, 1907. № 8. С. 15–16, № 10. С. 22–23]. Вследствие ничтожной роли дворянского землевладения аграрный вопрос в крае в основном сводился к взаимоотношениям между крестьянами и государством и не стоял столь остро, как в «помещичьих» регионах страны.

Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что основную часть своих денежных доходов (по данным земской статистики, от 60 до 80 %) местные крестьяне получали не от земли, а от разнообразных промысловых занятий [Материалы..., 1910. С. 418–419]. После обнародования Указа от 9 ноября 1906 г. один из крестьян Петрозаводского уезда на страницах местного земского журнала так выразил скептическое мнение об указе части сельских хозяев, наиболее тесно связанных с промысловой деятельностью: «...Званием собственника сыт не будешь, да еще при таких исключительных, как наши, климатических условиях и малом количестве пахотной земли. У большинства крестьян главное занятие – отхожие промыслы, а земледелие на заднем плане... Клочки земли обрабатывай хоть китайским способом, все хлеба не будет хватать и отхожий промысел будет средством к пропитанию. До тех пор, пока существует более легкий способ добывания хлеба, крестьянин не сядет на землю» [Крестьяне..., 1907. С. 8].

Для Карелии с ее суровыми природными условиями и неразвитой сетью дорожных коммуникаций были характерны слабый уровень развития аграрного капитализма и укорененность общинных традиций, способствовавших

выживанию крестьянского двора в экстремальных ситуациях. По данным, относящимся к Олонецкой губернии в целом, в 1905 г. общинное землепользование охватывало здесь 98 % крестьянских дворов и 99 % наделной земли, тогда как в среднем по Европейской России эти показатели составляли соответственно 76 и 82 % [Зырянов, 1982. С. 36–37]. Правда, далеко не все общины в крае практиковали переделы. По сведениям, собранным для губернского совещания по пересмотру законоположений о крестьянах в 1904 г., в карельских уездах Олонецкой губернии только в 25,8 % земельных общин (595 из 1955) за пореформенное время производились либо общие, либо частные переделы. При этом по отдельным уездам картина была не одинаковой. Так, в Пудожском уезде доля переделывающихся общин достигала 53,5 %, в Повенецком – 50,1 %, тогда как в Олонецком она равнялась 18 %, а в Петрозаводском уезде составляла всего лишь 3,3 %. Однако те же материалы свидетельствовали не об угасании, а об усилении переделных тенденций в изучаемом нами районе. Так, если за период с 1858 г. по 1887 г. (год перевода бывших государственных крестьян на обязательный выкуп) переделы произошли в 16 общинах, то с 1888 г. по 1894 г. (6 лет) – в 166 общинах, а с 1895 по 1904 г. (9 лет) – в 324 общинах [подсчитано по данным: Кожевников, 1909. С. 258–259]. При этом необходимо учитывать, что в 1893 г. появился закон об ограничении переделов, а в 1894 г. в крае был введен институт земских начальников, которые, в частности, контролировали соблюдение данного закона. Явное снижение числа переделов отмечалось в два последних периода только в Петрозаводском уезде, где в 1888 – 1894 гг. переделы были зафиксированы в 17 общинах, а в 1895 – 1904 гг. – только в 5. Но переделные устремления были широко распространены и в этом уезде. На собеседовании по вопросам крестьянского землевладения в Петрозаводском уезде, состоявшемся 30 октября 1907 г. в Олонецком губернском присутствии, на вопрос о том, легко ли будет отдельным домохозяевам получить в «беспеределных» общинах приговор о выделении, все волостные старшины единодушно заявили: «В селениях... многолюдных приговоров выделяющимся не дадут... воспротивятся этому малоземельные домохозяева, полагающие, что разделенная земля пойдет когда-нибудь в общий передел, и тогда часть ее достанется на их долю» [Собеседование..., 1908. № 3. С. 4].

По мнению петрозаводского историка В. Г. Баданова, среди значительной части местного крестьянства все еще бытовала некая

психологическая, мировоззренческая и даже религиозная установка на общину как на особую ценность, данную свыше [Баданов, 1994. С 15].

Общинное землевладение в Олонецкой губернии имело осложненную, запутанную структуру, вследствие преобладания здесь в ходе реализации реформы 1866 г. в отношении государственных крестьян группового землеустройства. При пореформенном землеустройстве межевые отряды уделяли основное внимание отграничению казенных земель от крестьянских, разграничения же внутри крестьянских дач выполнялись формально или вообще не проводились. Сами же крестьяне, по свидетельству старшины Ладвинской волости Петрозаводского уезда Е. Мокеева, тогда «отнеслись к этому обстоятельству довольно равнодушно, – не оценили, не видели своего интереса; теперь видят, да поздно» [Собеседование..., 1908, № 1. С. 8]. Земский начальник из Петрозаводского уезда В. Соловьев также отмечал, что «работа межевых при выдаче владенных записей оставила в народе печальную память» [НА РК, ф. 55, оп. 1, д. 22/267, л. 50]. В результате тогдашнего землеустройства из 3996 селений Олонецкой губернии 3566 селений – или 89,2 % – были наделены общинами (однопланными) дачами. Один акт владения приходился в среднем на 11 деревень [Обзор..., 1913. С. 43]. При этом зачастую существовал разнобой во владении разными видами угодий. Группа деревень, имея отдельные наделы пахотных земель, располагала в то же время совместным наделом сенокоса, леса, а также угодий, предоставленных вместо подсеки (так называемый земельно-подсечный надел). Начальник отделения губернской казенной палаты П. П. Сергеев на совещании по пересмотру законоположений о крестьянах в 1904 г. приводил следующий пример: «В Повенецком уезде... Селезневское и Кажемское общество имеют более 120 селений, у всех есть свои наделы, то есть у каждого селения своя усадебная земля и полевые угодья, но сенокосами эта группа в 120 селений владеет таким образом: два-три селения сообща владеют сенокосом, а в подсеках участвуют еще с тремя, четырьмя другими селениями, совершенно не участвующими ни в полевых, ни в сенокосных угодьях» [Журналы..., 1904. С. 31].

Ясно, что разверстка угодий в таких условиях была крайне затруднена и требовала значительных затрат на размежевание со стороны государства. По данному поводу олонецкий губернатор Н. В. Протасьев в письме к П. А. Столыпину 16 августа 1910 г. сетовал: «Большим тормозом... служит неудовлетворительность

работ, произведенных в свое время при наделении государственных крестьян землею. Далеко не редкое исключение в Олонецкой губернии составляет группировка 40–100 селений, владеющих надельными землями по одному владенному акту, причем в этом наделе находятся земли единственного владения каждого селения и общего владения как нескольких селений, так и общего владения всех селений, поименованных во владенном акте. Борьба с этим порядком владения составляет насущную задачу крестьянских учреждений Олонецкой губернии» [НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 106/1, л. 217 об.].

Край не только по сравнению с сопредельной автономной Финляндией, но и по сравнению с Центральной Россией отличало слабое развитие дорожных коммуникаций. До начала Первой мировой войны карельские уезды, да и вся Олонецкая губерния, за исключением ее отдаленной восточной окраины (небольшой части Каргопольского уезда), не имела выхода к формирующейся сети российских железных дорог, архаичной была и внутрикраевая дорожная сеть. К 1913 г. в пределах четырех карельских уездов Олонии 53,9 % всех селений не имели никаких дорог и сообщались с внешним миром только с помощью лесных троп [Олонецкая губерния, С. 71]. В условиях полного бездорожья реальных перспектив для успешного развития хуторского хозяйства, конечно же, не существовало. Участвовавшие в упоминавшемся выше собеседовании по вопросам крестьянского землевладения в 1907 г. волостные старшины пришли к согласованному мнению, что образованию хуторов «будут препятствовать пути сообщения». «Удобных дорог не имеют целые селения, а отдельные хутора окажутся полностью недоступными», – резюмировали они [Собеседование..., 1908. № 3. С. 4].

Существенную специфику в крае имела организационная сторона проведения преобразований. Первоначально реализация новой аграрной реформы в Олонецкой губернии была целиком возложена на учреждения по крестьянским делам (губернское присутствие, земские участковые начальники и их съезды), перегруженные административными делами и не имевшие своих землемерных сил. В отличие от большинства губерний Европейской России здесь с началом реформы не были открыты землеустроительные комиссии. Правительство сочло возможным сэкономить средства на реализации реформы в малонаселенном северном крае. А нужда в землеустройстве здесь была особенно острой. На практике крестьянские учреждения могли только оформить выход домохозяина из общины с закреплением за ним зе-

мельных угодий в том виде, как они ранее находились в общине. В условиях Карелии, при разбросанности полевых угодий среди неудобий и обширных лесных пространств, дальнеземелье и мелкополосице, это не давало возможности для последующей рационализации сельскохозяйственного производства. Губернская администрация констатировала, что «в собственности укрепляется лишь земля, находящаяся в фактическом владении данного домохозяина, что имеет громадное значение для большинства губерний России, где надельная земля вся разверстана между крестьянами. Для губернии же Олонецкой законы эти имеют меньшее значение, если при укреплении в собственность не отводить одновременно всю землю к одним местам и не выделять ее в виде отдельных хуторов или, по невозможности этого, отрубов» [НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 112/27, л. 89].

После неоднократных ходатайств губернатора Н. В. Протасьева Комитет по землеустроительным делам 14 августа 1908 г. принял решение о включении с 1909 г. в штат землеустроительных комиссий соседней Петербургской губернии 4 техников-землемеров для прикомандирования их на полевой сезон к крестьянским учреждениям Олонецкой губернии [НА РК, ф. 55, оп. 1, д. 22/267, л. 14–15]. По предложению Председателя Совета Министров П. А. Столыпина 28 августа 1908 г. в Олонецкой губернии было создано особое межведомственное совещание по применению Закона от 9 ноября 1906 г. под председательством губернатора с координационными и контрольными функциями. В его состав наряду с вице-губернатором и чиновниками губернского присутствия был включен и губернский землемер. В числе задач, поставленных перед особым совещанием, значились и упорядочение дел по устранению внутринадельной чересполосицы и отводу укрепленных земель к одним местам, то есть по созданию участков (хуторских и отрубных) хозяйств [НА РК, ф. 55, оп. 1, д. 18/226, л. 55].

Принятые меры дали возможность наконец, с опозданием на два года, начать в крае землеустроительные работы в рамках реформы. Вскоре после начала своей деятельности особое совещание констатировало, что выделенных землемеров далеко не достаточно, чтобы справиться с уже имеющимся фронтом работ на площади в 62 тыс. десятин. Оно заявило, что «находит необходимым экстренно ходатайствовать о возможном увеличении теперь же числа землемеров, состоящих в распоряжении олонцкого губернатора, а затем, ввиду крайней желательности широкой и совершенной орга-

низации дела землеустройства, и об открытии в Олонецкой губернии землеустроительной комиссии» [НА РК, ф. 55, оп. 1, д. 22/267, л. 75–76 об.]. С полевых сезонов 1910 г. группа межевых техников, командированных в губернию, была увеличена до 14 человек, им придавалось еще 11 помощников [Обзор..., 1911. С. 43]. Объемы землеустроительных работ постепенно возрастали, однако их направленность оставалась узкой, сдерживавшей образование участковых хозяйств. Недостаточное внимание уделялось и групповому землеустройству. Как отмечалось в изданном в 1913 г. губернским земством статистическом справочнике, землеустроительная деятельность крестьянских учреждений «в большинстве случаев... сводилась лишь к сокращению чересполосности путем соединения пахотной земли в один участок и закрепления остальных угодий в том виде, в каком они находились в общине» [Олонецкая..., 1913. С. 106].

По существу, в полной мере реализация аграрной реформы в крае началась только после издания «Закона о землеустройстве» от 29 мая 1911 г. с созданием землеустроительных комиссий, наделавшихся широкими полномочиями вплоть до судебных. Олонецкая губернская землеустроительная комиссия была открыта 15 октября 1911 г., тогда же начала действовать Петрозаводская уездная комиссия. Пудожская и Олонецкая уездные комиссии открылись 28 декабря, а Повенецкая – 29 декабря того же года [Обзор..., 1912. С. 21].

Губернскую землеустроительную комиссию возглавлял губернатор, в ее состав входили непременный член от Главного управления землеустройства и земледелия России, непременный член губернского присутствия, председатель губернской земской управы, губернский землемер, член Петрозаводского окружного суда, два члена по выбору от губернского уездного собрания. Непременным членом губернской комиссии был назначен В. А. Лихачев, ранее служивший в аналогичной должности в Черниговской губернии и имевший значительный опыт ведения землеустроительных дел. Из-за отсутствия в крае корпоративной дворянской организации уездные землеустроительные комиссии возглавляли не предводители дворянства, как в большинстве российских губерний, а председатели уездных съездов. В состав этих комиссий входили: непременный член от Главного управления землеустройства и земледелия, председатель уездной земской управы, земские участковые начальники, уездный член Петрозаводского окружного суда и по три вы-

борных члена от уездного земского собрания и от волостных сходов. В качестве временного члена в работе комиссии также участвовал выборный представитель от той волости, по которой рассматривалось дело [Расписание..., С. 57, 61–62; Памятная..., 1912. С. 61–62].

При губернской землеустроительной комиссии была сформирована своя группа землемерных чинов из штатных и вольнонаемных сотрудников. К концу 1913 г. в ней насчитывался 61 человек, в том числе 5 старших землемеров, 22 землемера и 35 помощников (техников) [НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 120/40, л. 18 об.]. Губернская администрация не без основания оценивала количественный и качественный состав землемерных сил как не удовлетворяющий местным условиям. Олонецкий губернатор (с мая 1913 г.) М. И. Зубовский откровенно сетовал на невозможность привлечь на службу в отдаленный северный край хорошо подготовленных землемеров «с полным межевым цензом». Он справедливо объяснял данное обстоятельство «большой трудностью землемерных работ в Олонецкой губернии, что отрицательно отражается на продуктивности работы техников, а следовательно, и на размерах вырабатываемой ими задельной платы, и, кроме того, непривлекательными условиями жизни, как в материальном отношении, так и в общественном». «Из всех старших землемеров Олонецкой губернии, – указывал далее губернатор, – нет ни одного с высшим образованием и только четыре человека со средним образованием... остальные же все с низшим образованием. Что же касается землемеров и помощников землемеров, то таковые сплошь с низшим образованием» [Обзор..., 1915. С. 46]. В дополнение ко всему, несмотря на огромные расстояния между населенными пунктами губернии, разъездной кредит для землеустроительных чинов здесь отпускался по нормам, общим для всей России, и естественно, что средств для служебных поездок хронически не хватало [Обзор..., 1915. С. 51].

Имеющихся землемерных кадров было не достаточно для удовлетворения всех поступавших ходатайств о землеустройстве. Так, в 1913 г. губернской комиссией было запланировано проведение землеустроительных работ на площади в 187,4 тыс. десятин, но удалось выполнить работы на площади только в 103,2 тыс. десятин (55 % к плану) [НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 120/40, л. 18–18 об.]. В отчете за 1913 г. губернатор М. И. Зубовский констатировал: «В 1914 г. предположены обширные землеустроительные работы на площади более 300000 десятин, но едва ли удастся вы-

полнить этот громадный труд, так как положительно не хватает землемеров» [НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 120/40, л. 40]. В реальности на 1914 г. были запланированы работы на площади в 233,7 тыс. десятин, но в условиях начавшейся войны план был выполнен только на 37,8 % [Обзор..., 1915. С. 44, 46].

Особенности края, а также недостаточное организационное и финансовое обеспечение преобразований оказали сильное воздействие на темпы, масштабы и результаты реализации столыпинской аграрной реформы. Несмотря на активную пропаганду, а порой и на применение на местах, вопреки официальным установкам, мер административного принуждения, к 1 января 1916 г. в целом по 4 карельским уездам Олонецкой губернии вышли из общины и укрепили землю в личную собственность 2882 домохозяина, имевших 110,4 тыс. десятин надельной земли. Кроме того, 652 домохозяина из беспередельных общин на основании Закона от 14 июня 1910 г. взяли удостоверительные акты на свои земли в количестве 7,2 тыс. десятин, что также означало их закрепление в собственность. Всего, таким образом, за 1906–1915 гг. в карельских уездах Олонецкой губернии из общины вышло 4534 домохозяина, закрепивших за собой 117,6 тыс. десятин земли. Это составило 16,3 % от числа общинных дворов и 5,4 % площади крестьянского общинного землевладения [подсчитано по данным: РГИА, ф. 1291, оп. 121, 1916 г., д. 4, л. 219–226; Статистика..., 1906. С. 10]. Данные показатели были существенно ниже общих для Европейской России (соответственно 26,9 % и 13,8 %) [Сидельников, 1980. С. 177; Аврех, 1991. С. 88; Тюкавкин, 2001. С. 196] в 1,6 и в 2,6 раза.

Необходимо отметить, что большинство выходов из общины в крае осуществлялось в обязательном порядке, по постановлениям земских начальников и уездных съездов. В целом по карельским уездам Олонецкой губернии приговор схода о согласии на укрепление земли получили лишь 33 % пожелавших выделиться домохозяев [подсчитано по данным, РГИА ф. 1291, оп. 121, 1916 г., д. 4, л. 219–221]. В остальных случаях сходы либо прямо отказывались от составления приговора об укреплении, либо уклонялись от составления приговоров в установленный законом срок.

Наиболее активно выделялись из общины представители зажиточной и бедняцкой прослойки деревни. Зажиточные хозяева стремились таким путем закрепить и расширить землевладение, а беднота – поправить материальное положение за счет продажи земли.

Столыпинская реформа стимулировала вовлечение надельной земли в торговый оборот. В 1908–1914 гг. продали укрепленную землю 34,7 % домохозяев-выделенцев Олонецкой губернии, ими было реализовано 5,2 тыс. десятин укрепленной земли [История..., Т. 2, 1985. С. 181].

Значительную часть продававшейся земли составляли лесные угодья. Служащий Олонецкого управления земледелия и государственных имуществ И. Соловьев на страницах местного земского журнала отмечал: «С введением в Олонецкой губернии землеустройства стали замечаться случаи выхода крестьян на отруба и хутора с исключительно специальною целью хищнической вырубki отводимых лесных участков... Отрубники с открытием землеустроительных работ начали продавать лес со своих участков, получая за него значительные суммы, иногда по несколько тысяч и даже десятков тысяч рублей. Возможность легкой и быстрой наживы с операциями по продаже леса на отрубках вызвала в некоторых местах появление особых скупщиков, которые, разъезжая по губернии и пользуясь неопытностью и малокультурностью населения, начали скупать крестьянские укрепленные в собственность наделы по дешевым ценам и затем перепродавать с них лес по его действительной стоимости, очень часто превышающей во много раз цену всего надела» [Соловьев, 1916. № 14. С. 5–6]. В целях борьбы с подобной практикой по инициативе губернатора П. П. Шиловского Олонецкое губернское присутствие 21 марта 1913 г. приняло определение «О размере прав хуторян и отрубников на рубку и продажу леса с их участков», согласно которому рубка леса с выделенных участков допускалась только после составления владельцами упрощенных лесохозяйственных планов [НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 117/37, л. 132–134 об.]. Однако, как справедливо полагал тот же И. Соловьев, данное ограничение не могло предотвратить самовольную тайную продажу леса, тем более что законодательно продажа лесоматериалов с земель коренной части надела, отведенных под постоянную пашню и сенокос, в отличие от подсечно-земельной части надела ограничению не подлежала, а внутри крестьянского надела межевых разграничительных знаков не имелось [Соловьев, 1916. № 14. С. 16].

Обращение покрытых лесом земель в пахотные и сенокосные угодья в пределах участковых хозяйств осуществлялось с санкции правительственного агронома или сельскохозяйственно-го инструктора [Наймарк, 1915. С. 49–50].

Создание хуторских и отрубных хозяйств в условиях края происходило замедленными

темпами. Губернатор М. И. Зубовский в отчете за 1913 г. признавал: «...Разверстание же на отруба и вообще переход к единоличному владению пока прививается туго. Требования отдельных предприимчивых домохозяев об отводе им хуторских участков обыкновенно вызывают явное неудовольствие общинников...». Вместе с тем он отмечал, что это неудовольствие не перерастает в крае в активные формы противодействия реформе: «Случаев грубого насилия над хуторянами не было и никакой агитации в этом направления никем не ведется» [НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 120/40, л. 40 об.].

Согласно официальным итоговым данным о работе землеустроительных комиссий к 1 января 1916 г. в карельских уездах Олонецкой губернии было образовано 514 участковых хозяйств с общей земельной площадью в 52,2 тыс. десятин. [Подсчитано по данным: РГИА, ф. 408, оп. 1, д. 978, л. 2–5, 10–11]. При этом 95 % всех хуторов и отрубков было создано путем разверстания на участковые хозяйства целых селений, и лишь 5 % – путем единоличного выделения домохозяев из общины. Доля владельцев хуторов и отрубков составила в целом по изучаемому нами району на 1916 г. только 1,5 % ко всей массе крестьян-домохозяев (общинников и подворников). [Процент подсчитан по отношению к общему числу дворов по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г.: Бузин, 1916. С. 4.], тогда как по Европейской России в целом этот показатель достигал 10,3 % [Дубровский, 1963. С. 250; Сидельников, 1980. С. 178; Аврех, 1991. С. 89; Мэйси, 2004. С. 268].

Становление участковой системы хозяйствования в карельском крае отличалось крайней неравномерностью. Территориальное распределение хуторов и отрубков по уездам было следующим [составлено по данным: РГИА, ф. 408, оп. 1. д. 978, л. 2–5, 10–11; Бузин, 1916. С. 4]:

Уезды	Общее число хозяйств (по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г.)	Число участковых хозяйств (на 1 января 1916 г.)	% участковых хозяйств к общему числу крестьянских хозяйств
Олонецкий	8751	317	3,6
Повенецкий	5333	178	3,3
Петрозаводский	13529	10	0,1
Пудожский	7100	9	0,1
Итого по 4 уездам	34713	514	1,5
Всего по губернии	71778	997	1,4

Как мы видим, несколько активнее участковая система прививалась в западных, приграничных уездах края – Олонецком и Повенец-

ком, где сказывалось влияние аграрного опыта сопредельной Финляндии. Непременный член губернской землеустроительной комиссии В. А. Лихачев констатировал: «Наиболее благоприятную почву для развития землеустройства землеустроительные комиссии нашли в уездах Повенецком и Олонецком, где благодаря близости Финляндии с ее мызным хозяйством крестьяне уже видели на живых примерах все преимущества новых форм землепользования» [Лихачев, 1913. С. 184]. В этих двух уездах было сосредоточено 96 % всех хуторов и отрубков Карелии. Но все же даже в Олонецком и Повенецком уездах доля хуторских и отрубных хозяйств была в 2,9–3,1 раза ниже общероссийского уровня.

В Петрозаводском уезде с наиболее развитыми промыслами (в том числе и отхожими) и относительно меньшей ролью земледелия, а также в глубинном Пудожском уезде с устойчивыми общинными традициями хутора и отруба продолжали оставаться редким, единичным явлением. Доля участков хозяйств (0,1 % к общему числу дворов) была в этих уездах на порядок ниже, чем в Олонецком и Повенецком уезде.

Хуторянам и отрубникам предусматривалось оказание финансовой помощи от землеустроительных комиссий в виде безвозвратных пособий или ссуд на перенос строений на новое место, первоначальное обустройство и хозяйственные улучшения (мелиорация и т. п.). Ссуды выдавались на 15 лет, с условием возврата их после 5-летнего льготного срока в течение 10 лет равными частями без процентов [Олонецкая..., 1913. С. 112]. Ограниченность денежных ресурсов, выделявшихся казной для этих целей, вынуждала комиссии подходить к делу осторожно. В первую очередь предписывалось оказывать помощь тем хозяйствам, которые могли бы сыграть роль показательных в своей округе. За период с 1907 по 1915 г. в крестьянские и землеустроительные учреждения Олонецкой губернии поступили ходатайства на ссуды и пособия от 875 домохозяев. Из этого числа были признаны подлежащими удовлетворению полностью или частично лишь 377 ходатайств, или 43 %. А получили денежные выплаты всего 292 домохозяина (33,4 % от числа заявителей). Выдано было 168 ссуд на общую сумму в 21350 рублей (или в среднем по 127,1 рубля) и 124 пособия на сумму 9348 руб. (в среднем по 75,4 рубля). [Итоговые..., 1916. С. 100–101]. Для сравнения укажем, что средняя стоимость крестьянского дома в Олонецкой губернии, по данным выборочного бюджетного исследования, проведенного Л. К. Чермаком в

1909 г., составляла 209 рублей [Олонецкая..., 1913. С. 281]. Сами же местные крестьяне считали, что, «не имея в кармане 500 рублей, нечего и думать сделаться хозяином на хуторе» [Никulina, 1986. С. 58]. Таким образом, размеры ссуд и пособий следует рассматривать как явно недостаточные для полного обустройства единоличного хозяйства в условиях края.

Наиболее актуальным и перспективным направлением поземельных работ в ходе столыпинской аграрной реформы в условиях Олонецкой губернии являлось проведение землеустроительных мероприятий на общинных землях. На практике с 1912 г. это и стало основной заботой местных органов по проведению реформы. Однако при большой потребности в работах данного рода их объем сдерживался из-за нехватки землемеров и недостаточного финансирования, в чем явственно сказывался недоучет центром специфики губернии.

В силу указанных причин основную массу поступивших от крестьян ходатайств об общинном землеустройстве (79 %) к 1916 г. не удалось удовлетворить. Всего в карельских уездах такое землеустройство было проведено в отношении 1950 хозяйств (5,6 % от их общего числа) на площади в 130,2 тыс. десятин [Подсчитано по данным: РГИА, ф. 408, оп. 1, д. 978, л. 6–9, 12–17; Бузин, 1916. С. 4]. В общем объеме осуществленных землеустроительных работ доля группового землеустройства по числу дворов составила 79,1 %, единоличного – 20,9,5 %, а по площади земли – соответственно 71,4 и 28,6 %. Подобная картина была характерна и для губернии в целом. М. И. Зубовский, подчеркивая местное своеобразие в реализации реформы, констатировал, что «землеустройство в Олонецкой губернии, если его сравнить с землеустройством всей России, является как бы полюсами последнего, занимая одним из них – размерами группового землеустройства – первое место, а другим – размерами единоличного землеустройства – последнее место среди землеустройства Европейской России» [Обзор..., 1915. С. 50].

Доминирующим видом группового землеустройства в крае являлось, что вполне закономерно, выделение надела отдельным селениям. Оно было проведено в отношении 111 земельных единиц, в которых насчитывалось 1700 дворов. Кроме того, в 12 земельных единицах, включавших в себя 250 дворов, была проведена ликвидация чересполосицы [подсчитано по данным: РГИА, ф. 408, оп. 1, д. 978, л. 6–9, 12–17]. Осуществление этих мероприятий имело большое значение для упорядочения и рационализации крестьянского землепользо-

вания. В частности, М. И. Зубовский акцентировал внимание на следующем обстоятельстве: «После группового землеустройства крестьяне начинают очень дорожить своими лесными богатствами, заводят правильное лесное хозяйство, принимают ряд коренных мер к предупреждению хищнического истребления лесов. В последнем отношении групповое землеустройство дает значительно большие результаты, чем все вместе взятые лесоохранительные правила и административные меры воздействия» [Обзор..., 1915. С. 51–52]. Еще раз подчеркнем, что групповое землеустройство в перспективе создавало возможность для перехода отдельных хозяев к личному землевладению. Согласно данным землеустроительных комиссий, 83,2 % крестьянских хозяйств Олонецкой губернии, укрупнивших землю в личную собственность, сначала принимали участие в групповом землеустройстве [Никулина, 1986. С. 51].

В ходе реформы карельский край первоначально предполагалось также использовать в качестве одного из районов для размещения крестьян-переселенцев. В 1908 г. заместитель министра внутренних дел даже обратился со специальной запиской к управляющему Главным управлением землеустройства и земледелия А. В. Кривошеину о необходимости заселения Олонецкой губернии. Акцентируя внимание на «весьма остром положении с переселенческим вопросом вообще», автор записки призывал управляющего принять все меры к немедленной и энергетической организации дела переселения из внутренней России в Олонецкую губернию» [Якименко, 1984. С. 88]. Данное предложение имело определенную предысторию.

Незадолго до начала аграрной реформы, в 1905 г., Управление землеустройства организовало предварительное изучение колониционных возможностей Олонецкой губернии силами специальной временной партии по заготовлению переселенческих участков в северных и северо-восточных губерниях Европейской России. В результате обследования, проведенного в казенных дачах малонаселенных Повенецкого и Пудожского уездов, пригодной для колониционных целей была признана площадь в 2,6 млн. десятин. В Управление поступило немало ходатайств о желании переселиться на эти обследованные земли, преимущественно от крестьян Кирилловского уезда Вологодской губернии [Колонизация..., 1913. № 2. С. 7–8]. Однако в разгар масштабных преобразований у Государственного управления землеустройства и земледелия не нашлось свободных средств и сил для прове-

дения работ по нарезке переселенческих участков в натуре на территории Олонецкой губернии, и проект не осуществился.

В условиях Первой мировой войны проведение аграрной реформы, и в первую очередь землеустройство, стало свертываться. В январе 1915 г. на основе указаний из центра губернатор М. И. Зубовский рекомендовал землеустроительным комиссиям принимать к исполнению те дела, по которым «наилучшие возможности достигнуть добровольного соглашения всех заинтересованных владельцев». Исполнение дел в обязательном порядке признавалось нежелательным в условиях, когда повсеместно «имеются домохозяева, призванные на действительную [службу в] армию, земельные интересы которых должны быть ограждены от нарушений самым тщательным образом» [НА РК, ф. 261, оп. 1, д. 3/76, л. 4–5].

В новом предписании в сентябре 1915 г. М. И. Зубовский сетовал на значительное сокращение штата землемерных чинов из-за призыва в армию и с обеспокоенностью констатировал, что «число дел, законченных подготовкой и подлежащих включению в план работ, уже значительно превышает то количество дел, которое может быть исполнено наличным землемерным составом...». Также отмечалось, что «дальнейшая подготовка дел за призывом в действующую армию значительной части населения сильно затруднена... ввиду невозможности собрать на сходы предусмотренное законом большинство». Губернатор потребовал принимать к производству лишь те дела, которые будут признаны неотложными и по которым есть полная уверенность в добровольном порядке исполнения. «Включение в план работ дел, подлежащих исполнению в обязательном порядке, совершенно не может быть допущено», – заключал он [НА РК, ф. 480, оп. 1, д. 1/1, л. 87]. В ряде случаев и сами крестьяне, ранее подавшие заявление о выходе на отруб и хутора, добровольно отказывались от проведения землеустройства до окончания войны [НА РК, ф. 482, оп. 1, д. 1/13, л. 85–85 об.; д. 2/26, л. 29–30].

После Февральской революции Временное правительство, занявшись подготовкой своих аграрных преобразований, 28 июня 1917 г. приняло постановление о роспуске землеустроительных комиссий и прекращении Столыпинской аграрной реформы.

Думается, что в нашем северном крае потенциал Столыпинской реформы был раскрыт лишь в небольшой степени. Итоги преобразований, несмотря на краткий срок, отпущенный для них историей, могли бы быть более весо-

мыми при всестороннем учете центром региональных факторов. В отношении карельских уездов и Олонецкой губернии в целом имела место явная недооценка центром приоритетного значения землеустройства для успешного развертывания реформы в условиях края. Землеустроительные комиссии здесь были открыты лишь через 6 лет после начала реформы, несмотря на неоднократные ходатайства местных властей по этому вопросу. Потеря времени особенно негативно сказалась на решении первоочередной и особенно острой для края проблемы группового землеустройства, сдерживавшей процесс образования участковых хозяйств. Финансирование землеустройства также осуществлялось по общим нормативам для Европейской России, без учета специфики севера (большие расстояния между селениями, сильно пересеченный характер местности, наличие значительного количества лесных участков и неудобий в составе наделов, меньшая продолжительность полевого сезона по сравнению с центром и югом страны). Представляется, что такой подход к северному краю был следствием акцентированного внимания правительственных кругов к реформированию деревни в «помещичьих» регионах страны, где аграрный вопрос стоял наиболее остро. Хотя, как убедительно свидетельствовал опыт аграрного развития соседней Финляндии, переустройство села на принципах, заложенных в основу столыпинской аграрной реформы, имело в карельском крае большие перспективы.

Литература

- Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. 286 с.
- Баданов В. Г. Использование олонеким земством финляндского опыта при проведении реформы П. А. Столыпина // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск: ПетрГУ, 1994. С. 11–15.
- Бузин В. Результаты предварительного подсчета материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи по Олонецкой губернии // Вестник Олонцкого губернского земства. 1916. № 17. С. 4–10.
- Вопрос об общинном и подворном землепользовании на губернском земском собрании // Вестник Олонцкого губернского земства. 1908. № 4. С. 1–3, № 5. С. 2–4; № 6. С. 6–7; № 7/8. С. 1–4.
- Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 600 с.
- Дякин В. С. Столыпинская земельная реформа // Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л.: Наука, 1984. С. 349–374.
- Журналы Олонцкого губернского совещания по пересмотру законоположений о крестьянах. Петрозаводск, 1904.
- Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России. 1902–1914 гг. М.: Наука, 1992. 256 с.
- История северного крестьянства. Т. 2. Крестьянство Европейского Севера в период капитализма. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985. 386 с.
- Итоговые сведения о деятельности землеустроительных комиссий за 1907–1915 гг. Петроград, 1916.
- Кожевников А. Ф. Земельные переделы в Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1909 г. Петрозаводск, 1909. С. 255–259.
- Колонизация в Олонецкой губернии // Известия Архангел. об-ва изучения Рус. Севера. 1913. № 2. С. 85–86.
- Копяткевич В. Распределение земельной собственности в Олонецкой губернии за 1905 год // Вестник Олонцкого губернского земства. 1907. № 8. С. 14–17; № 10. С. 21–24.
- Крестьяне о выходе из общины / И. М. // Вестник Олонцкого губернского земства. 1907. № 20. С. 7–8.
- Лихачев В. А. Краткий обзор деятельности землеустроительных комиссий Олонецкой губернии за 1912 г. // Известия общества изучения Олонцкой губернии. 1913. № 2/3. С. 180–188.
- Материалы по статистико-экономическому описанию Олонцкого края. СПб.: Изд-во Олонцкого губернского земства, 1910. 105 с.
- Мэйси Д. Аграрные реформы Столыпина как процесс: Центр, периферия, крестьяне и децентрализация // Россия сельская. М.: РОССПЭН, 2004. С. 251–283.
- Наймарк И. Я. Обзор агрономической помощи хозяйствам единоличного владения Олонцкой губернии за 1914 г. Петрозаводск: Сев. скоропечатня А. Г. Каца, 1915. 50 с.
- Национальный архив Республики Карелия (в тексте – НА РК).
- Никулина Т. В. К вопросу об аграрной политике царизма в Олонцкой губернии (1906–1917 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск: ПетрГУ, 1986. С. 49–62.
- О землевладении в Олонцкой губернии // Памятная книжка Олонцкой губернии на 1907 г. Петрозаводск: Олон. губ. тип., 1907. С. 281–302.
- Обзор Олонцкой губернии за 1910 г. Петрозаводск: Олон. губ. тип., 1911. 27, [75] с.
- Обзор Олонцкой губернии за 1911 г. Петрозаводск: Олон. губ. тип., 1912. 69 с.
- Обзор Олонцкой губернии за 1912 г. Петрозаводск: Олон. губ. тип., 1913. 95 с.
- Обзор Олонцкой губернии за 1914 г. Петрозаводск: Олон. губ. тип., 1915. 119 с.
- Обзор постановлений очередного губернского земского собрания // Вестник Олонцкого губернского земства. 1907. № 4. С. 26–30.
- Олонцкая губерния: Стат. справочник. Петрозаводск: Стат. бюро Олонцкой губернской земской управы, 1913. 348 С.
- Памятная книжка Олонцкой губернии на 1912 г. Петрозаводск: Олон. губ. тип., 1912. 320 с.

Расписание состава землеустроительных комиссий, образуемых согласно закону о землеустройстве // Закон о землеустройстве 29 мая 1911 года и изданный на основании сего закона Наказ землеустроительным комиссиям от 19 июня 1911 года. СПб., 1911. С. 56–61.

Российский государственный исторический архив (в тексте – РГИА).

Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М.: Изд-во МГУ, 1980. 288 с.

Собеседование о крестьянском землевладении // Вестник Олонецкого губернского земства. 1908. № 1. С. 7–9; № 2. С. 10–12; № 3. С. 3–4.

Соловьев И. Олонецкие крестьянские леса // Вестник Олонецкого губернского земства. 1916. № 13. С. 1–16; № 14. С. 1–16; № 15. С. 1–4.

Статистика землевладения 1905 г. Вып. 25. Олонецкая губерния. СПб., 1906. 10 с.

Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и стольпинская реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.

Якименко Н. А. Переселенческая политика царизма и проблема заселения Севера Европейской России (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск: ПетрГУ, 1984. С. 80–91.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кораблев Николай Александрович
старший научный сотрудник, к. и. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: nikolship@mail.ru
тел.: (8142) 772675

Korablyov, Nikolay
Institute of Language, Literature and History, Karelian Research
Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: nikolship@mail.ru
tel.: (8142) 772675